

Наши богослужбныя книги со стороны орфографіи.

Едва-ли можно серьезно оспаривать то положеніе, что наши богослужбныя книги по конструкціи рѣчи, неудобовразумительности многихъ словъ и темному смыслу нѣкоторыхъ выраженій представляются мало доступными для пониманія современнаго общества и въ этомъ отношеніи требуютъ пересмотра. Объ этомъ уже много писали и пишутъ. Но здѣсь, въ этой замѣткѣ, я желалъ бы обратить вниманіе на другую сторону вопроса, а именно на ту орфографію, которая ставитъ широкіе круги современнаго общества въ неменьшее недоумѣніе. Я имѣю въ виду способъ печатанія высочайшихъ именъ Божіихъ, а также именъ собственныхъ и названій священныхъ предметовъ и лицъ въ нашихъ богослужбныхъ книгахъ. Въ изданіяхъ типографій С.-Петербургской и Кіево-печерской въ 60—70 годахъ прошлаго вѣка эти имена и названія печатались, согласно правиламъ грамматики, съ прописныхъ (большихъ) буквъ, но съ половины 80-ыхъ годовъ изданія этихъ типографій уже носятъ тѣ особенности, которыми всегда и съ такою настойчивостію отличались изданія московской синодальной типографіи. Особенность эта заключается въ томъ, что имена Божіи, собственные и названія священныхъ предметовъ и лицъ печатаются не съ прописныхъ (большихъ), но съ строчныхъ (малыхъ) буквъ, каковая орфографія въ нѣкоторыхъ ревнителяхъ православія возбуждала и продолжаетъ возбуждать порицаніе, а въ широкихъ кругахъ общества всегда порождала недоумѣніе. Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ нельзя не считаться съ заявленіями тѣхъ, кто съ порицаніемъ утверждаетъ, что имена

Божіи въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ низводятся въ разрядъ именъ человѣческихъ и не имѣютъ подобающаго своему достоинству отличія и почета предъ прочими словами низшаго порядка. Недоумѣніе усиливается отъ того обстоятельства, что въ тѣхъ же книгахъ имена Августѣйшей фамиліи выдѣляются особымъ (жирнымъ) шрифтомъ. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, напр., въ московской по этому поводу даже возникала официальная переписка.

Не зная тѣхъ своеобразныхъ соображеній, которыми вдохновляется въ данномъ случаѣ московская синодальная типографія, многіе и образованные люди при объясненіяхъ подобнаго рода становятся въ тупикъ. Мнѣ извѣстенъ, напр., случай, когда даже законоучитель одной изъ московскихъ гимназій на предъявленный ему въ этомъ смыслѣ вопросъ учениковъ не могъ дать отвѣта и самъ смутился.

Конечно, обществу не безынтересно знать, какими же соображеніями руководствуется московская синодальная типографія въ своей ореографіи и на сколько тверды выставляемыя ею основанія для оправданія своей практики? У насъ подъ руками любопытный документъ, проливающий свѣтъ по этому предмету, а именно отзывъ конторы московской синодальной типографіи, представлявшійся въ началѣ 1880 года г. Синодальному Оберъ-Прокурору Д. А. Толстому. Судя по тому, что вслѣдъ за этимъ отзывомъ конторы московской синодальной типографіи наши богослужебныя книги въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ стали печататься согласно ореографіи московской печати, надо полагать, что этотъ отзывъ для высшихъ духовныхъ сферъ имѣлъ рѣшающее значеніе, такъ что московскую синодальную типографію въ этомъ случаѣ можно справедливо считать руководительницею и вдохновительницею существующей въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ ореографіи въ способѣ печатанія именъ Божіихъ, собственныхъ и названій священныхъ предметовъ и лицъ. Вотъ тѣ основанія, какія приводятся московскою синодальною типографіею въ отзывѣ ея конторы.

Послѣдняя заявляетъ, что имена Божіи хотя и печатаются не съ прописными, какъ въ книгахъ гражданскихъ, а съ строчными начальными буквами, но взамѣнъ того надъ этими именами равно какъ и надъ другими священными словами, вездѣ ставится покрытіе или титло, употребляющееся въ церковной печати не для сокращенія письма, какъ въ древнихъ рукописяхъ, но единственно, какъ почетный знакъ. Отличеніе или «почита-

ніе» титломъ именъ Божіихъ и священныхъ словъ издревле составляетъ одно изъ первыхъ правилъ церковнославянскаго правописанія. Благочестивые ороографы стараго времени, замѣчаетъ контора, больше всего наблюдали, чтобы имена Божіи и священныя слова никакъ не смѣшивались въ правописаніи съ другими словами, но всегда были отличаемы отъ нихъ взметомъ или покрытіемъ, т. е. титломъ «яко вѣнцомъ славы». Съ этою цѣлію въ «Алфавитѣ» или ороографическомъ наставленіи первой половины 17 вѣка всѣ слова раздѣляются на три разряда, т. е. на означающія «святость, посреднее (обыкновенное) и отпадшее». Священныя слова, надъ которыми должно ставиться титло, перечисляются тамъ подробно и вмѣстѣ указываются случаи, при которыхъ какое-либо слово изъ высшаго разряда ниспадаетъ въ низшій и вслѣдствіе того лишается этого почетнаго знака; напримѣръ: А. «Святыхъ аггль и святыхъ апль и священныхъ архіепкопъ покрыто пиши, сирѣчь подъ взметомъ: понеже что покрыто пишется, то свято, ангеловъ же сопротивника и апостоловъ не боговдохновенныхъ и архіепископъ не священныхъ отнюдь не покрывай, но складомъ пиши: понеже враждебно Божеству и человѣческому естеству. Врага и сопротивника и антихриста складомъ пиши. Смотри о сихъ въ весь алфавитъ сей прилежно и не неради о сихъ», а въ заключеніи преподается такое увѣщаніе: «и сего ради, господине, совѣтъ даемъ тебѣ о Христвѣ и молимъ любовь твою. Господа ради, не смѣшай, яко-же рѣхъ, несмѣсная, во всемъ тщися святость отъ посредняго и отъ отпадшаго всяко отдѣляти, и почитай святость вездѣ взметомъ и покрытіемъ, яко свята сущи и честна и всякія похвалы и славы достойна».

Такимъ образомъ, отличая имена Божіи и вообще наименованія священныхъ и досточтимыхъ предметовъ титломъ, церковная ороографія, по взгляду конторы московской синодальной типографіи, не имѣла и не имѣетъ надобности прибѣгать для ихъ отличія къ прописнымъ буквамъ, которыя въ ней имѣютъ другое назначеніе и употребленіе,—служать указателями начала книги, особой статьи, отдѣла, матеріи, а также указателями начала стиховъ той или другой главы въ библейскихъ чтеніяхъ. Равнымъ образомъ церковная ороографія, по взгляду той же конторы, не употребляетъ прописныхъ буквъ и въ началѣ именъ собственныхъ какъ въ виду того, что эти имена уже сами по себѣ, своимъ произношеніемъ и складомъ,

явственно отличаются для читающаго отъ всѣхъ прочихъ словъ въ текстѣ, такъ и для избѣжанія утомительной для глазъ пестроты въ печати и разныхъ другихъ неудобствъ, какъ напр.: при начинаніи прописными буквами собственныхъ именъ и словъ не могло бы быть узнаваемо во многихъ случаяхъ начало стиховъ, отличаемое также прописными буквами.

Къ сему контора прибавляетъ, что только со времени введенія гражданскихъ шрифтовъ, за неимѣніемъ въ нихъ титла, начали употреблять, по примѣру иностранной печати, прописныя буквы въ началѣ священныхъ и почетныхъ словъ, а также и собственныхъ именъ. Этотъ приемъ гражданского правописанія еще съ 18 вѣка усвоили и нѣкоторыя церковно-славянскія изданія, назначаемыя преимущественно для домашняго употребленія.

Что касается ссылки на общепринятая правила современной грамматики, то эта ссылка, по взгляду конторы, напрасна. Въ дѣйствительности ни грамматика, ни практика современной гражданской орографіи еще не выработали никакихъ общепринятыхъ правилъ по многимъ вопросамъ объ употребленіи при тѣхъ или другихъ словахъ прописныхъ буквъ. Контора задаетъ вопросъ, слѣдуетъ ли, напримѣръ, начинать прописными буквами только собственно имена Божіи, или и относящіяся къ нимъ мѣстоименія личныя, притяжательныя и указательныя, прилагательныя и причастія, заступающія мѣсто имени собственнаго или существительнаго, а также имена существительныя? Какими буквами и въ какихъ случаяхъ начинать многія другія слова, означающія священные предметы, лица и понятія, напр., слова: «церковь (собраніе вѣрующихъ), Матерь (Господа), Ангелы, Апостолы, Пророки и пр.? Наконецъ, слѣдуетъ ли печатать съ прописными начальными буквами только имена собственныя, или и производныя отъ нихъ прилагательныя? Всѣ подобныя вопросы, за отсутствіемъ общепринятыхъ правилъ, рѣшаются въ современной орографической практикѣ разнорѣчиво. Въ разныхъ изданіяхъ встрѣчаются разные методы по употребленію въ началѣ тѣхъ или другихъ словъ прописныхъ буквъ и въ каждомъ почти изданіи нерѣдкія отступленія отъ принятаго имъ же самимъ метода, такъ что одно и то же слово съ однимъ и тѣмъ же значеніемъ въ иныхъ случаяхъ начинается прописною, въ другихъ строчною буквою. Вообще—ни въ чемъ такъ часто не сбивается и не впадаетъ въ противорѣчіе современная орографія, какъ именно въ упо-

требленіи при разныхъ словахъ прописныхъ буквъ. Слѣдовать за нею на этомъ пути, по взгляду конторы, значило бы внести въ область церковнаго правописанія ту же рознь, тѣ же колебанія и преткновенія, которыми страдаетъ нынѣшняя гражданская орѳографія; словомъ, вмѣсто улучшенія внести порчу.

Таковы соображенія конторы московской синодальной типографіи въ защиту существующаго въ ней порядка въ изданіи богослужебныхъ книгъ.

Однако, мы не можемъ согласиться съ высказанными этой конторой доводами.

Если титло или покрытие, дѣйствительно, употребляется въ церковной печати «единственно, какъ почетный знакъ» для именъ священныхъ, то всѣ имена священныя и должны бы быть съ титлами. Но на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ. Съ титлами и покрытиями печатается сравнительно небольшое число священныхъ словъ, а множество другихъ остается безъ всякихъ титлъ, напр., имена Божіи—«Творецъ, Создатель, Искупитель, Вседержитель, Утѣшитель» и другія никогда не встрѣчаются съ титлами. Изъ собственныхъ именъ священныхъ лицъ только «Исусъ, Христосъ, Марія», имѣютъ на себѣ титла; всѣ же прочія безчисленныя имена святыхъ не имѣютъ титлъ. Затѣмъ, слова «Ангелы, Архангелы» печатаются съ титлами, а слова «Херувимы и Серафимы» и прочія наименованія безплотныхъ силъ—безъ титлъ. Все это служитъ доказательствомъ, что титла первоначально введены вовсе не для отличія именъ священныхъ отъ несвященныхъ, а просто, какъ знаки словосокращенія, ибо они ставятся только надъ тѣми словами, которыя чаще другихъ употребляются.

Но допустимъ, что титла—дѣйствительно знаки отличія для именъ священныхъ. Является вопросъ: всѣ ли разумѣютъ такое ихъ значеніе? Нѣтъ. Кромѣ немногихъ ученыхъ знатоковъ старины, кромѣ нѣкоторыхъ спеціалистовъ типографскаго дѣла; всѣ современники, можно смѣло сказать, не понимаютъ этого значенія титлъ и смотрятъ на нихъ «единственно», какъ на знаки словосокращенія. Если же для огромнаго большинства современниковъ титла не понятны, какъ почетные знаки, то отсюда слѣдуетъ, что нужно ввести въ употребленіе въ церковныхъ книгахъ другіе, понятные современникамъ, знаки отличія именъ священныхъ и именно прописныхъ буквъ, значеніе которыхъ въ настоящее время болѣе или менѣе извѣстно всякому школьнику, вообще всякому грамотному человѣку.

Контора московской синодальной типографіи утверждаетъ, что «отличеніе или почитаніе титломъ именъ Божіихъ и священныхъ словъ издревле составляетъ одно изъ первыхъ правилъ церковно-славянскаго правописанія». Но если и согласиться съ конторою, то должна же согласиться и она, что указываемое ею правило не извлечено изъ свойствъ церковно-славянскаго языка, а есть чисто условное, а потому можетъ подлежать по требованію обстоятельствъ измѣненію и совершенной отмѣнѣ. Контора подтверждаетъ свое положеніе ссылкой на «Алфавитъ», или орографическое наставленіе первой половины 17 вѣка. Но «Алфавитъ», во-первыхъ, не есть произведеніе древнее; во-вторыхъ, онъ заключаетъ въ себѣ правила не какого-либо собора, даже и не какого-либо авторитетнаго лица въ церковной іерархіи, а лица совершенно неизвѣстнаго, такъ что по этому уже одному обязательной силы для нашего времени онъ имѣть не можетъ.

Не можетъ имѣть «Алфавитъ» обязательной силы и по несовершенству своего содержанія.

Между прочимъ, онъ заповѣдуетъ писать такъ или иначе, либо вовсе не объясняя причинъ, почему онъ этого требуетъ, либо приводя причины, которыя должны быть названы по меньшей мѣрѣ странными.

Вотъ одинъ примѣръ изъ числа многихъ.

Алфавитъ запрещаетъ писать слово «окрестъ» подъ взметомъ на слѣдующемъ основаніи: «безчестно бо сіе кресту господню... окрестъ бо и нечестивіи ходять». Затѣмъ, нѣкоторыя предписанія «Алфавита» показываютъ незнакомство его сочинителя съ орографіей греческаго языка. Такъ, именно «Теодоръ, Теофанъ, Теофиль» и др. онъ велитъ писать чрезъ букву «Ф», а имена «Филиппъ, Филовей, Филимонъ» и под. чрезъ букву «Ө». Судя по такимъ наставленіямъ, которыя при томъ изложены языкомъ малограмотнымъ, можно думать, что едвали «Алфавитъ» былъ авторитетомъ даже и для своихъ современниковъ. Ужели послѣ этого онъ можетъ быть авторитетнымъ для нашего времени и правила его должны быть неизмѣнно соблюдаемы?

Сама московская синодальная типографія, не смотря на высокое уваженіе, которое, повидимому, питаетъ ея контора къ «Алфавиту», не всегда соблюдаетъ его правила въ печатаемыхъ ею богослужебныхъ книгахъ. Такъ, напр., одно и то же священное слово въ одномъ и томъ же изданіи она ста-

вить то съ титломъ, то безъ титла. Въ Евангеліи изданія 1872 г. Мѡ. I, 6 читается «двѣа», а Іоан. VII, 42: «давідова»; Іоан. II, 12: «учнѣцы его», а II, 22: «ученицы его» (послѣднее и въ изданіи 1902 г.). Въ слѣдованной псалтири слова «апостоль, мученикъ, пророкъ, преподобный, праведный» и другія, которыя по «Алфавиту» должны быть съ титлами, очень часто встрѣчаются и безъ титлъ. Подобныхъ примѣровъ немало и во всѣхъ прочихъ богослужебныхъ книгахъ. Затѣмъ, въ изданіяхъ типографіи встрѣчаются съ титлами слова «среднія» и «отпадшія», которыя въ силу предписаній «Алфавита» не должны имѣть титлъ. Примѣры: «члкъ», «глглы». Ясно, что типографія не признаетъ для себя обязательными правила «Алфавита». Поэтому напрасно контора типографіи ссылается въ защиту титлъ на «Алфавитъ».

Однако, предлагая для отличенія словъ священныхъ и именъ собственныхъ ввести въ употребленіе прописныя буквы, мы отнюдь не думаемъ вытѣснить изъ употребленія титла или покрытія, хотя и не стали бы сожалѣть, если бы они были вытѣснены; пусть титла остаются въ церковныхъ книгахъ — въ качествѣ ли почетныхъ знаковъ или просто въ качествѣ знаковъ сокращенія словъ, но при титлахъ должны быть допущены и прописныя буквы.

Нельзя также согласиться съ мнѣніемъ конторы относительно именъ собственныхъ, будто «они своимъ произношеніемъ и складомъ *явственно* отличаются отъ всѣхъ прочихъ словъ». Правда, замѣченное конторою о собственныхъ именахъ приложимо къ большинству этихъ именъ, но не ко всѣмъ, а именно неприложимо къ именамъ малоупотребительнымъ, относящимся къ предметамъ, мѣстамъ, лицамъ малоизвѣстнымъ; таковы, напр., слова «Вильфенеръ, Сикима, Зивъ». Такія имена, не отличенныя прописными буквами, легко можно смѣшать съ тѣми нарицательными именами, смыслъ которыхъ для большинства читателей совершенно непонятенъ и которыхъ такъ много въ богослужебныхъ книгахъ, каковы, напр., слова: «туло, рамна, ливъ». Можетъ случиться и наоборотъ. Слова непонятныя могутъ быть приняты за имена собственные. Множество примѣровъ подобнаго рода смѣшенія представляетъ намъ переводъ 70-ти. Извѣстно, что греческіе переводчики библіи многія имена собственные, находящіяся въ еврейскомъ подлинникѣ, сочли за нарицательныя и постарались перевести ихъ и наоборотъ многія, непонятныя для нихъ имена нарицательныя,

приняли за собственныя и оставили ихъ безъ перевода. Ошибки 70-ти были повторены переводчиками славянскими, что обусловило во многихъ мѣстахъ темноту и неправильность славянскаго текста ветхозавѣтной библіи. Такимъ образомъ, «произношеніе и складъ» собственныхъ именъ не предохранили переводчиковъ отъ смѣшенія этихъ именъ съ именами нарицательными и отъ проистекшихъ отсюда ошибокъ. Но этихъ ошибокъ съ ихъ печальными послѣдствіями не было бы, если бы въ текстѣ, съ котораго переводчики дѣлали свой переводъ, имена собственныя были отмѣчены прописными буквами или вообще какими либо внѣшними знаками.

Относительно «утомительной для глазъ пестроты», которую будто бы, по взгляду конторы, производятъ прописныя буквы, мы напротивъ держимся такого мнѣнія, что привычный къ прописнымъ буквамъ глазъ скорѣе можетъ утомляться отсутствіемъ ихъ или очень рѣдкимъ употребленіемъ. Только чрезмѣрная пестрота можетъ считаться утомительною и непріятною, но чрезмѣрною она сдѣлаться въ богослужебныхъ книгахъ едва-ли когда можетъ, умѣренная же пестрота нравится болѣе скучнаго однообразія: *varietas delectat*.

Нельзя согласиться и съ тѣмъ мнѣніемъ конторы, будто «ни грамматика, ни практика современной гражданской орфографіи не выработали никакихъ общепринятыхъ правилъ по многимъ вопросамъ объ употребленіи при тѣхъ или другихъ словахъ прописныхъ буквъ». Напротивъ, правила эти существуютъ, но допускаютъ лишь исключенія, и этихъ исключеній на практикѣ у однихъ болѣе, у другихъ менѣе. Такое положеніе дѣла, несомнѣнно, имѣетъ свои неудобства, но нельзя считать ихъ непреодолимыми. По крайней мѣрѣ, относительно богослужебныхъ книгъ возможно установить правила настолько опредѣленныя, что выполненіе ихъ при употребленіи прописныхъ буквъ во всякомъ случаѣ не внесетъ порчи въ изданія московской типографіи.

Предлагаемъ эти правила.

Начальными прописными буквами слѣдуетъ отличать:

1. Всѣ имена существительныя, относящіяся къ Богу и къ тремъ лицамъ Божества, какъ то: Богъ, Господь, Вседержитель, Саваоѣ, Творецъ, Создатель, Спасъ, Спаситель, Искупитель, Избавитель, Владыка, Сердцевѣдецъ, Судія, Пресвятая Троица, Отецъ, Сынъ (Божій или чевѣлоческій), Слово, Богочеловѣкъ

Духъ Святой, Утѣшитель и имъ подобныя, если еще найдутся таковыя.

2. Имена прилагательныя и причастія, которыми выражаются свойства и дѣйствія Божіи, когда стоятъ безъ существительныхъ и затѣняютъ ихъ, напр.: Всевышній, Ветхій деньми, Сый, Всемогущій. Но при существительныхъ они должны оставаться съ строчными начальными буквами, напр.: Творецъ всемогущій, Боже праведный, Отецъ милосердый.

3. Мѣстоименія личныя, относящіяся къ Богу: Я, Ты, Онъ»; также указательныя: «Сей, Той» и относительное «Иже» во всѣхъ падежахъ.

4. Имена Божіей Матери: Матерь или Мати Божія, Пресвятая Дѣва, Царица Небесная, Богоматерь, Богородица, Владычица, Дѣвица, Отроковица, Приснодѣва, Богоневѣста, Невѣста.

5. Наименованія безплотныхъ силъ: Ангель, Архангель, Христратигъ, Херувимы, Серафимы и пр.

6. Всѣ имена собственныя и тѣ изъ нарицательныхъ, которыя употребляются въ смыслѣ собственномъ, какъ то: Креститель, Предтеча, Златоустъ, Богословъ, (Іоаннь, Григорій), Тиронъ (Ѳеодоръ), Побѣдоносецъ (Георгій), также изъ прилагательныхъ тѣ, которыя составляютъ отличіе и какъ-бы фамилію извѣстнаго лица, напр.: Сергій Радонежскій.

7. Имена прилагательныя притяжательныя, производныя отъ именъ Божіихъ: Христовъ, Іисусовъ, Господень, Божій (но не божественный), Спасителевъ; равно и производныя отъ собственныхъ именъ лицъ: Іоанновъ, Петровъ, Павловъ и т. п., и мѣсть, напр.: Іудейскій, Галилейскій, Іерусалимскій; вообще имена прилагательныя, которыя отвѣчаютъ на вопросъ «чей», но не «какой».

8. Слово «Богоотецъ» должно писать съ прописною буквою. а прочія слова съ именемъ «Богъ» можно писать строчными.

9. Слово «Церковь», когда оно означаетъ собраніе вѣрующихъ, но не храмъ приличнѣе начинать съ прописной буквы. Слова «патріархъ, апостоль, пророкъ, проповѣдникъ, мученикъ, преподобный» и имъ подобныя, какъ имена нарицательныя, при томъ употребляемая по большей части съ именами собственными, удобнѣе писать строчными буквами.

Предлагая правила, мы, конечно, оговариваемся, что не считаемъ ихъ совершенно удовлетворительными со стороны полноты и опредѣленности; совершенно полными и опредѣлен-

ными они могут сдѣлаться лишь съ теченіемъ времени, послѣ неоднократнаго примѣненія ихъ къ дѣлу. Поэтому возможно, что типографія, и руководясь этими правилами, на первыхъ порахъ будетъ затрудняться относительно употребленія прописныхъ буквъ въ нѣкоторыхъ словахъ. Въ подобнаго рода случаяхъ она можетъ обращаться къ авторитетнымъ образцамъ. Образцы эти—изданія типографій Петербургской и Кіевопечерской до 80-ыхъ годовъ прошлаго вѣка и частію библія въ русскомъ переводѣ, издаваемая по благословленію Св. Синода.

Контора московской синодальной типографіи наконецъ выставляетъ на видъ то затрудненіе, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ при употребленіи прописныхъ буквъ въ именахъ не можетъ быть узнаваемо начало стиховъ. Для устранения этого затрудненія съ своей стороны мы можемъ предложить слѣд. три способа: 1) Или каждый стихъ въ Евангеліи, Апостолѣ и Псалтири (священныхъ книгахъ, наиболѣе употребляемыхъ при богослуженіи) начинать новою строкою, какъ это сдѣлано въ русскомъ переводѣ Библии. 2) Или буквы, означающія счетъ, ставить не на краяхъ листовъ, а въ самомъ текстѣ (какъ это сдѣлано въ Тишендорфовомъ греколатинскомъ изданіи Новаго Завѣта). 3) Или въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, которые указаны Конторою, и другихъ подобныхъ, если найдутся, ставить для указанія начала стиха какой-либо значекъ, напр., звѣздочку. Полагаемъ, что нынѣ, когда текстъ богослужебныхъ книгъ съ каждымъ десятилѣтіемъ становится все менѣе и менѣе понятнымъ и значеніе титлъ для именъ священныхъ понятно лишь очень немногимъ знатокамъ старины и спеціалистамъ типографскаго дѣла, вопросъ о прописныхъ буквахъ въ богослужебныхъ книгахъ долженъ быть поднятъ на обсужденіе.

Свящ. Н. Романскій.